

Это была деревня времен образования республики. Здесь не было ни асфальта, ни даже мощеных дорожек — под ногами лишь утоптанная желтая земля, от которой при ходьбе поднималась пыль. Вокруг росло множество платанов и несколько кустов османтуса. Листва платанов наполовину засохла, а на полях колосился арахис.

Деревня на юге, сейчас осень.

Сянь Чэньюэ снова посмотрел на поля. Большая их часть была заброшена: ни зерновых, ни сорняков. Очевидно, жители пытались возобновить земледелие, но сельхозинвентаря нигде не было. У входа в деревню стоял колодец, но вокруг не было ни следов ног, ни капель воды.

Он взглянул на часы: стрелки замерли на отметке двадцать четыре минуты тридцать одна секунда. Секундная стрелка больше не двигалась.

Старый староста шел впереди, ветераны следовали за ним. Новички, как бы сильно они ни дрожали от страха, могли лишь повторять движения бывалых. Сцена гибели мужчины средних лет, похожая на нелепый и низкопробный фильм ужасов, заставила некоторых из них обмочиться. Потеряв голову, новички не могли размышлять и лишь на подсознательном уровне держались за остальными.

— Брат Сянь, — к Сянь Чэньюэ приблизился молодой парень с пухлыми щеками. У него были большие глаза и уголки губ, приподнятые от природы, что придавало ему совершенно безобидный вид. Заметив, что Сянь Чэньюэ не обращает на него внимания и даже не смотрит в его сторону, он не пал духом, а с улыбкой добавил: — Я Чэнь Вэй, младший брат Чэнь Шо.

Только услышав знакомое имя, Сянь Чэньюэ наконец посмотрел на него.

— Мой брат сказал, что если я встречу тебя, то должен представиться от его имени, — пояснил Чэнь Вэй.

Пока парень улыбался, внутренне сильно нервничая, Сянь Чэньюэ кивнул:

— Иди за мной.

Чэнь Вэй выдохнул и поспешно ответил:

— Брат Сянь, не волнуйся, мой брат мне говорил, я точно не буду мешать.

Так Чэнь Вэй спокойно стал хвостиком Сянь Чэньюэ. Стоило тому замолчать, как парень тут же переходил в режим полного молчания.

Староста привел их к воротам дома у самого входа в деревню.

— Ночью нельзя зажигать свет, нельзя разговаривать, в комнате не должно быть воды, и нельзя выходить на улицу.

Староста обернулся. Хотя до заката было еще далеко и солнце светило ярко, лицо старика оставалось бесстрастным. Его опущенные веки почти закрывали глаза, придавая взгляду пугающую мрачность.

— Запомните мои слова.

Староста открыл деревянные ворота ключом.

— Страшновато, правда? — Су Янь протянул руку и предложил Сянь Чэньюэ жевательную резинку.

По пути сюда Су Янь воочию видел, как все ветераны терпели фиаско, пытаясь заговорить с Сянь Чэньюэ. Когда тот не хотел общаться, он становился холодным, слепым и глухим: даже если подойти к нему вплотную, он воспринимал человека как пустое место.

— Меня зовут Су Янь, — добавил он.

Сянь Чэньюэ не взял жвачку, даже не взглянул на него и перешагнул через порог.

Су Янь приподнял бровь, убрал жвачку обратно и, засунув руки в карманы, проследовал во двор.

Староста внутри распределял комнаты, бормоча себе под нос:

— Двадцать четыре, двадцать четыре человека...

Затем он грубо прошел вперед и, словно цыплят, стал выдергивать людей из толпы.

Первый мальчик, чью руку схватил старик, внезапно закричал:

— Не трогайте меня! Не трогайте! Я хочу домой, мама... мамочка!

Стоящие рядом не осмелились вмешаться и лишь вжались друг в друга, но и бежать никто не решился — пока кто-то не сделает это первым.

Соппротивление мальчика для старосты было подобно попытке муравья повалить дерево. У старика, чьи руки напоминали сухие ветви, была неестественная сила. Одним рывком он повалил мальчика на землю. Тот ударился лицом об пыль и разбил нос.

Не дожидаясь, пока паренек встанет, староста вытянул следующего.

Он выбирал людей, казалось, наугад, руководствуясь лишь своим капризом. Когда он набрал шесть человек, то поднял взгляд и указал на соседнюю комнату:

— Вы будете жить там.

После гибели того мужчины в одной из четырех групп, на которые старосту разделил людей, не хватало одного человека. Те, кого только что вывели, от страха не смели ни говорить, ни бежать, и лишь теперь начали тихо всхлипывать. Остальные почувствовали облегчение: раз их не забирают на верную смерть, значит, это еще можно терпеть.

Су Янь отдал невостребованную жвачку стоявшему слева Чжао Фэну. Тот без церемоний развернул упаковку и закинул ее в рот.

Люди не спешили заходить в комнаты. Они стояли во дворе: кто-то дрожал, обхватив себя руками, кто-то что-то бессвязно бормотал.

В этот момент на крыльцо поднялся человек и громко крикнул:

— Не паникуйте! По прибытии на место не стоит действовать в одиночку. Сначала нужно освоиться, а потом уже строить планы. Сколько здесь тех, кто пришел впервые?

Многие подняли руки.

Мужчина представился:

— Меня зовут Цзян Чжунсюй. Я здесь не впервые, прошел семь или восемь уровней. Если чего-то не понимаете — спрашивайте. Сейчас мы одни, нужно держаться вместе, иначе при возникновении опасности шансы выжить у одиночек и групп будут одинаковыми. Не бойтесь так сильно. Когда много новичков, уровень сложности ниже, а опасность не так велика. К тому же, когда нас так много, сотня единиц опасности распределяется на каждого, и становится легче.

Толпа сразу же потянулась к Цзян Чжунсюю. Лишь несколько стариков, не поднявших руки, и пара спокойных новичков остались в стороне.

Су Янь был среди них. Его взгляд был прикован к Сянь Чэньюэ, из-за которого его жевательная резинка оказалась невостребованной.

На руках Сянь Чэньюэ были черные перчатки, по виду из тонкого синтетического волокна. Костюм был без бирок, но по ткани чувствовалось, что вещь дорогая — возможно, шитая на

заказ у старого портного. На нем не было ничего брендового, но и дешевым его вид не назовешь. Су Янь не мог понять, чем тот занимается в реальном мире, что делало Сянь Чэньюэ еще загадочнее.

Сянь Чэньюэ посмотрел на небо. Солнце начало клониться к закату, далекие горы и облака окрасились в оранжево-красный цвет. Птичий щебет стал громче, над головой с хриплым карканьем пролетели вороны.

— Темнеет, — внезапно произнес Сянь Чэньюэ.

Чэнь Вэй, не отставая ни на шаг, спросил:

— Брат Сянь, пойдем внутрь?

Сянь Чэньюэ ступил на утрамбованное крыльцо и вошел в комнату, которую указал староста. Стоявший рядом с Су Янем Чжао Фэн толкнул его локтем и поспешил вслед за Сянь Чэньюэ. Су Янь же остался у края толпы, слушая Цзян Чжунсюя.

Люди вокруг Цзяна притихли, даже те, кто только что плакал, замолчали, внимательно слушая его.

— Вы видели, какая участь постигла того, кто пытался напасть на старосту. Лучше ничего не делать и не совершать ошибок, чем действовать на эмоциях. Не позволяйте чувствам управлять вами, — говорил Цзян Чжунсюй ровным, хорошо слышимым голосом.

Су Янь услышал, как кто-то рядом прошептал:

— Мне повезло оказаться в одной комнате с братом Цзяном. Хорошо, что есть такие ветераны, готовые нас вести. Кажется, мне уже не так страшно. Если будем с братом Цзяном, мы точно выберемся.

Цзян Чжунсюй завоевал доверие новичков.

Су Янь приподнял бровь и с усмешкой погладил подбородок.

Снаружи было шумно, а Сянь Чэньюэ застилал постель. В комнате стояли общие нары, в ногах у каждого лежали матрасы и подушки. Пол был земляной, без плитки. Электричества не было: на столе у окна стояли керосиновая лампа и чайник, под столом — ночной горшок с дырой.

Увидев, что Сянь Чэньюэ стелет постель, Чжао Фэн поспешил помочь. Хотя Сянь Чэньюэ не обращал на него внимания, Чжао Фэн не упускал случая проявить себя. Чэнь Вэй попытался незаметно оттеснить Чжао Фэна, но тот, не умея читать чужое настроение, просто оттолкнул

парня и вцепился в одеяло Сянь Чэньюэ.

— Брат Сянь, — Чжао Фэн, не смущаясь разницы в возрасте, подобострастно называл его братом. Если бы Сянь Чэньюэ был недоволен, он, пожалуй, назвал бы его и отцом, причем с большей теплотой, чем родного.

Сянь Чэньюэ молчал.

Чжао Фэн приподнял брови и прошептал:

— Брат Сянь, я с тобой. Куда ты — туда и я, что скажешь сделать — сделаю, глазом не моргну. Может... объединимся?

Только тогда Сянь Чэньюэ взглянул на него. Чжао Фэн, как подсолнух, расплылся в сияющей улыбке — правда, с желтоватыми зубами.

Взгляд Сянь Чэньюэ был холодным, лишенным всяких эмоций. Под этим взглядом Чжао Фэн внезапно вздрогнул, и по его телу побежали мурашки. Не смея больше ничего сказать, он мысленно выругался, но все же занял место на нарах слева от Сянь Чэньюэ.

Шум снаружи наконец утих. Цзян Чжунсюй, с отеческой заботой, произнес:

— Темнеет, возвращайтесь в комнаты, застилайте постели и спите. Обо всем поговорим завтра.

Девушка в толпе спросила:

— Брат Цзян, тот старик... дедушка сказал, что ночью нельзя выходить, зажигать свет... что еще? Мы должны его слушать?

Цзян Чжунсюй улыбнулся:

— Для начала послушайте. Я же сказал: нужно адаптироваться. Лучше делать так, как говорят местные, чем с самого начала брать инициативу на себя.

В комнате Чжао Фэн хмыкнул:

— Это он только новичков дурит. Я уже был с ним на одном уровне, тогда было то же самое.

Он не успел договорить, как вошли остальные. В комнате на шесть человек собралось четверо мужчин и две женщины. Сначала все представились. Мужчины: Сянь Чэньюэ, Су Янь, Чжао Фэн и Чэнь Вэй. Женщины: Лян Шу и Се Юминь.

Лян Шу была еще совсем юной, с милой стрижкой каре и прямой челкой, закрывающей брови. Она была в школьной форме и вела себя по-детски непосредственно.

— Может, это какое-то телешоу, — сказала она, застилая постель. — Или эксперимент инопланетян. В любом случае, будем действовать по ситуации. Возможно, все не так опасно, как мы думаем. Цзян же сказал, что с новичками безопаснее.

Чжао Фэн протянул:

— Девочка, все не так просто. Как ты объяснишь смерть того человека?

Лян Шу ответила:

— Может, это был биоробот или какой-то трюк. В магии бывает и похлеще.

— Все не так просто! — Се Юминь вскочила. Ее глаза покраснели, голос сорвался на визг. — Я поняла! Безопаснее! А что тогда небезопасно?!

После ее крика Лян Шу замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Лян Шу пыталась приукрасить действительность, а Се Юминь сорвала эту маску.

— Темнеет, — прошептала Лян Шу, глядя, как исчезает последний луч света.

Сянь Чэньюэ уже лежал под одеялом. Казалось, он жил в ином мире: закрыл глаза, словно с этой секунды все земное перестало иметь для него значение. Чжао Фэн последовал его примеру и тоже лег, закрыв глаза, независимо от того, удастся ли ему уснуть.

Темнота пугала еще больше. В комнате стало тихо, будто в ней никого не было. Предупреждение старосты подействовало: никто не смел ни говорить, ни зажигать свет, даже застилать постель до конца никто не решился.

Справа от Су Яня лежал Чжао Фэн, за ним — Сянь Чэньюэ, а рядом с ним — Чэнь Вэй. Парни спали с одной стороны, девушки — с другой, оставив в середине пустое пространство, куда мог бы поместиться еще один человек. Девушки крепко обнимали друг друга, не смея ни говорить, ни плакать, зажмурившись, словно это могло придать им храбрости.

Су Янь сидел, прислонившись к стене. У него было хорошее зрение, и в лунном свете он разглядывал комнату, а затем перевел взгляд на лицо спящего Сянь Чэньюэ. Тот выглядел так, будто действительно спал. Сянь Чэньюэ не укрылся одеялом и не снял обувь, словно был готов в любой момент вскочить.

Этой ночью никто не смог уснуть спокойно: страх и незнакомая обстановка обострили чувства,

и любой шорох заставлял их вздрагивать. Су Янь, прислонившись к стене, не чувствовал сонливости и вертел в руках монету. Снаружи шумел ветер, в лесу были звери — в тишине звуки внешнего мира казались особенно отчетливыми.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда Су Янь уже собирался немного подремать, как ночную тишину пререзал крик.

— А-а-а!

За этим вскриком последовали плач, мольбы и крики, сменявшиеся то затихающими, то нарастающими звуками. Во дворе слышались торопливые шаги, и Су Янь, кажется, уловил запах крови.

В ту же секунду, как раздался крик, Сянь Чэньюэ открыл глаза. А когда Су Янь почувствовал запах крови, Сянь Чэньюэ уже стоял у двери.

Окна были заклеены бумагой, керосиновой лампы не было, и при лунном свете снаружи ничего нельзя было разглядеть. Лян Шу вздрогнула и уже хотела что-то сказать, но Се Юминь сзади зажала ей рот.

Не успела Лян Шу успокоиться, как деревянная дверь комнаты затряслась от мощных ударов!

Кто-то снаружи колотил в дверь!

— Откройте! Откройте же! Спасите нас! — кто-то бился в двери.

Звуки ударов доносились отовсюду, проникая в уши каждого.

— Откройте! — дверь продолжала ходить ходуном.

— Умоляю вас, умоляю... — снаружи плакали и молили о помощи.

Вскоре голоса стали слабеть, словно просящие сами сдались, и лишь слабый шепот продолжал доноситься снаружи:

— Умоляю вас... откройте...

В комнате никто не смел проронить ни слова. Лян Шу сжалась в комок на кровати, закрыв уши руками. Чжао Фэн перевернулся на другой бок, притворившись, что ничего не слышит.